

18+ Саша Мар

Пчелиный царь

Саша Мар

Пчелиный царь. Рассказ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62889557

ISBN 9785005165091

Аннотация

Саша едет в поезде. Если его спросить, куда, он не ответит, потому что не знает. Он скажет просто, что ему скоро выходить. А в голове вертится детский стишок про пчелиного царя, и от этого страшно болит голова. Он хочет забыться и убежать. От чего он бежит? Его карманы набиты деньгами, откуда они? На маленькой станции в купе подсаживается парень. Он только что освобожден из тюрьмы. Его тоже зовут Саша, и он едет к девушке, с которой познакомился по переписке.

Содержание

ПЧЕЛИНЫЙ ЦАРЬ

5

Конец ознакомительного фрагмента.

23

Пчелиный царь

Рассказ

Саша Мар

© Саша Мар, 2020

ISBN 978-5-0051-6509-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПЧЕЛИНЫЙ ЦАРЬ

Рассказ

Когда мне было лет шесть или семь, отец взял меня с собой на летнюю практику. Он повез студентов филфака в деревню Тасеево собирать фольклор. Мы жили в избе с высоким крыльцом, ходили обедать далеко в столовую. В Тасеево я в первый раз в жизни увидел коров и сказал про них что-то смешное, а отец потом рассказывал маме, и они смеялись. Вроде, я позавидовал неспешной коровьей жизни. Не помню.

Зато помню, как ходили в кино, в деревне был деревянный кинотеатр с очень холодным залом, хотя снаружи стояла июльская жара. Что смотрели, память стерла, но после этого я заболел. Ночью у меня был жар и мне снился кошмар, и это я запомнил на всю жизнь. Кошмар этот трудно описать, образы размытые, только страх до паралича. Вскочил посреди ночи с горящей головой, и выразить ужас мог только словами «я человека убил, человека убил», хотя снилось что-то совсем другое. Думаю, отец тогда сильно перепугался.

А еще помню пасеку и дядю Колю, пасечника. Он жил в соседнем доме и появлялся за забором, высокий, худой, в шляпе с широкими полями – лицо закрыто москиткой – и в выцветшем болотном балахоне. Я сначала его боялся,

но потом он принёс соты, из которых можно было высасывать мёд, а потом жевать.

И ещё он рассказывал студентам стишок про «пчелиного царя». Студенты записывали его на диктофон, а кто в тетрадки и улыбался, глядя как дядя Коля принимает таинственный вид, и выставляет скрюченный указательный палец, декламируя, как будто дирижирует сам себе. Наверное, они думали, что дядя Коля сам сочинил стишок. А он уверял, что это старое-старое стихотворение, которое живёт в его семье давным-давно, а семья занимается пчёлами уже много поколений. Поэтому про пчелиного царя он знает наверняка.

И я иногда пытаюсь вспомнить этот стишок от начала до конца, но в голове застряли только первые строчки, и всё, дальше дело не идет. Но начало тут как тут, про зверей, которые до смерти боятся пчелиного царя:

*«И медведи, кроты,
зайцы, лошади коты...»*

*– ...И медведи, и кроты,
Зайцы, лошади, коты...*

– Что? Что ты там бормочешь?

Ничего. Я просто задремал.

Дом высится надо мной каменной глыбой. Растет ввысь и вширь. Улица темна в клубках густого морозного тумана и плавно падающего снега, и только вверху непроницаемой

стены, в высоких створчатых окнах горит свет, мелькают фигуры гостей. Это бал, бал зверей. Медведи в котелках курят тонкие папироски, кроты в высоких цилиндрах с сигарами в зубах чёрными, вырезанными из картона силуэтами проплывают мимо окон. Зайцы-лакеи снуют с подносами искрящихся бокалов. Желтые окна вспыхивают то тут, то там белым светом. Это магниевые вспышки старинных фотоаппаратов. И сам дом – это фотомастерская, и тут должен быть вход и высокие витрины с антикварными фотоаппаратами и черно-белыми дагерротипами.

Но я вижу только сплошную черную стену перед собой, и она растёт вширь и ввысь. А в высоких окнах:

«И медведи, и кроты
Зайцы, лошади, коты...»

– Что? Какие медведи? Ты чего?

Ничего. Я сплю просто.

Я чувствую, как в плечо меня толкает большой мягкий кулак, поворачиваюсь и вижу улыбающийся рот с мелкими плохими зубами, красное опухшее лицо покачивается в такт вагону. Широкая ладонь приглаживает проволочные мокрые волосы с сединой. Это Степаныч. Я смотрю на него сквозь прикрытые дремотные веки и меня охватывает духота, которая висит в обшарпанном купе кислым плотным облаком.

– Открой. От-так... – Степаныч тычет толстым пальцем к двери.

Я тянусь, не с первого раза попадаю и нажимаю ручку.

Дверь купе откатывается, и нас на мгновение обдает свежестью из коридора. Струи воздуха приносят терпкий, сладкий запах. Это мёд. От моих рук и от одежды пахнет мёдом.

Пока я вожусь с дверью, Степаныч уже наполнил стопки и протягивает мне мутную жидкость. Я не помню, сколько времени мы пьем, и как давно едем. Может час, может, два, а может, несколько дней. Бутылка коричнево-ржавого самогона почти пуста, на столике белый хлеб и расплывшееся, блестящее на жаре сало. Я чувствую, что пьян, но по-настоящему, напрочь отключиться не могу. Только время от времени впадаю в тягучую дремоту.

Странно, почему меня не вырубает? Может, я так всегда, устойчив к алкоголю, или нет?

– Ну, давай за медведей, от-так – Степаныч аккуратно держит стопку двумя пальцами-сосисками, а сам подрагивает от смеха всем округлым телом, – что ты там про медведей бормотал? Ты что охотник?

Я пожимаю плечами, улыбаясь по-дурацки, и опрокидываю стопку. Каждый раз, когда подношу руку к лицу, чувствую тонкий травяной запах. Мёд. Стоит потянуть носом – и этот запах тут как тут.

За всё время, что мы едем, я ничего не сказал, кроме «здравствуйте» и вот этот стишок про медведей, вдруг. Я думаю об этом и как будто вижу себя со стороны, в отражении, хотя никакого отражения передо мной нет.

Хотя можно, конечно, обернуться и посмотреть на себя

в зеркало в двери купе. Но этот плечистый, коротко стриженный, в клетчатой рубашке с придурковатой улыбкой буратино неприятно косит на меня стеклянными глазами, и я сразу отворачиваюсь. Мне каждый раз нужно пару секунд, чтобы понять, что это я, и эти пару секунд похожи на возвращение души в покинутое тело. До дрожи в пальцах, до испарины на лбу. Нет, сначала нужно доехать, а потом рассматривать себя в зеркало.

А Степаныч болтает без устали, без передыху. Болтает и подливает, и сало нарезает с хлебом. Потом он отворачивается и долго смотрит в мутное окно. Там огненный шар в чистом небе ползет к горизонту. Скоро вечер. Жирная июньская зелень. Солнце бьет в глаза, прорезая лучами деревья. Я щурюсь, откидываюсь, прижимаясь спиной к пластиковой стене, ловлю сквозняк из коридора, и чувствую пустоту в голове.

Блаженная пустота. Как я хотел, как ждал, что она наступит. Поэтому, когда Степаныч втиснулся в купе, расстегнул угол чемодана и показал горлышко бутылки, я понял, что это моё спасение, и закивал как припадочный.

Он едет домой с вахты. Три месяца на севере. Ехать долго, поэтому наткнуться на отзывчивого собеседника – великое счастье. Только собеседник из меня, получается, никакой, зато попутчик отличный: пьет, улыбается и слушает. А Степаныч сначала рассказывал про то, какая долгая дорога домой: как летел на вертолете, как потом ехал на машине, и на-

конец купил билет на поезд. Потом он громко возмутился, что порядка на железной дороге не стало:

– Даже паспорта не проверяют, только эта хрень электронная, мне ребята помогли заказать, просто телефоном тыкнешь проводнику в нос, – и он для убедительности тычет мне в нос пухлую кисло пахнущую ладонь, – тыкнешь, от-так, и пускают, кого попало пускают, а как же террористы?

Я кивал, слушал, невольно прилипая взглядом к бутылки самогона. Степаныч понимал мгновенно и с готовностью наполнял стопки. Сколько лет Степанычу? За пятьдесят, наверное, но какая разница...

Я ждал, когда наступит отключка, но она не наступала.

– Так, всё, – Степаныч отрывается от окна, шлёпает себя по толстым джинсовым коленям, – курить, от-так, – он кряхтя лезет куда-то под живот, и вынимает мятую пачку Кента, – сигареты Друг, от-так, – он опять улыбается во весь грязный рот, – куришь?

Я пожимаю плечами, улыбаюсь. Степаныч крякает и качает головой:

– Ну, ты... чудак.

В тамбуре такая же жара, только запах железа, горелой смазки, и очень шумно, поэтому Степаныч подходит вплотную и почти кричит мне в лицо смрадом и спиртом.

– Слушай, я тебе честно скажу, от-так, ты бы деньги спрятал, а то как-то...

Я делаю удивленное лицо, покачиваюсь на ватных но-

гах, держась за стену. Степаныч с усмешкой мотает головой, как бы говоря «ну, ты вообще», выпускает в потолок струю дыма и хлопает меня по правому карману. Я смотрю на карман. Сначала все плывёт, но через секунду пьяные глаза фокусируются. Я вижу, что на мне узкие брюки, зеленого цвета. Зеленого... Правый карман выпукло торчит. Я сую руку внутрь и вынимаю две пачки денег. Перебинтованные банковской бумажной лентой две пачки «хабаровска». Я ухмыляюсь. Одна пачка вскрыта. А, да, это я покупал билет. Значит, должна быть сдача. Я сую руку в левый карман. Да, тут сдача, скомканые бумажки и монеты.

Степаныч курит молча, разглядывает меня исподволь с интересом. Я вижу краем глаза, что его лицо вдруг становится серьезным, почти непроницаемым, но когда мы встречаемся взглядом, он сразу начинает улыбаться во весь рот, молотить чушь, и чеканить «от-так, от-так».

А я стою с деньгами в руке и, улыбаясь, гляжу на Степаныча. Теперь ясно помню, как снимал эти деньги в банке, как девушка с недоверием поглядывала на меня из-за толстого стекла, и свое отражение в нём. В ней, на ней... Мое отражение, непохожее на теперешнее в зеркале купе. И еще на кого-то она поглядывала. На кого-то рядом со мной. Я пытаюсь вспомнить, как выглядел тот, второй, увидеть его в отражении, но с каждым усилием мозг пронизывает боль, и дохлый номер вспоминать. Лучше не пытаться, не хочу.

– А документы?

Свободной рукой я шарю по задним карманам. Нет, там пусто. Я пожимаю плечами. Степаныч вскидывает лицо к потолку и начинает ржать:

– Ну ты, ну вы... Это вот так теперь ездят. От-так. Да? Ни сумки, ни паспорта, только охапка денег в кармане. От-так. Может ты тоже вахтовик. Только странный какой-то вахтовик.

Я тоже начинаю смеяться.

– Да спрячь ты бабло, вахтовик. От-так.

Степаныч бросает бычок, топчет ножищей, и носком ботинка выкидывает на ступеньки под облупленную дверь. Потом лезет куда-то за спину, щелкает замком и выдергивает из-под живота сумку на ремне, поясную барсетку. Он шаркает молнией на переднем кармане, вынимает из нее свой паспорт, а барсетку протягивает мне.

– На, положи свои деньжищи, и футболку вынь из штанов, от-так, че ты, как я не знаю, у меня даже сын-шкет так не ходит, в заправленной футболке, от-так, и не видно барсетку.

Мне кажется, он питает ко мне отеческие чувства. Он снова подходит вплотную и вытягивается в струнку, дышит в лицо:

– Мои деньги дома, на карточке. От-так. Так что, если ты из этих, не рассчитывай.

Из кого из этих? Я молчу, и улыбаясь смотрю на него.

Он тоже начинает улыбаться, потом смеяться и снова становится добродушным сутулым толстяком с кулаками-по-

душками. Я показываю на пачку сигарет, Степаныч выуживает одну мне и сам закуривает вторую. Сначала я закашливаюсь, слезы из глаз. Степаныч трясется от смеха «не куришь, ну ты странный бандит», но я упорно втягиваю в себя дым и чувствую, как голова туманится и все качается сильнее. Потом поезд останавливается, но тамбур продолжает качаться, и прямоугольники окон и плиток на полу выгибаются ромбами.

Степаныч выдергивает меня из тамбура и орет в спину проводнику на другом конце вагона:

– Что за станция, начальник?

– Громоводск.

Мы смотрим, как проводник степенно проходит между теснящимися с багажом пассажирами и идет открывать дверь в дальнем тамбуре.

– Вот раздолбай, а, – бормочет Степаныч, – должен стоять уже наготове. А он, – вдруг его лицо озаряется, – город, стоянка десять минут, от-так, пошли сосисок купим и лимонада.

На полупустом жарком перроне воняет гудроном. Мы покупаем мешок жареных масляных сосисок в тесте с картошкой. Они очень горячие. Тётка в белом мятом фартуке за алюминиевым прилавком на колёсах с навесиком, осоловелая от солнца и жарких кастрюль с сосисками, долго отсчитывает нам сдачу, и вздрагивает, когда Степаныч вдруг выпаливает:

– Что подруга, зона-то далеко?

– Да, рядом, – тетка смотрит напряжённо, – а ты чего, на экскурсию хочешь?

– Да, нет, так просто, – Степаныч теперь оборачивается ко мне, – тут же тюрьма Громоводская, у меня тут приятель был, с армии, работал. Надзиратель. Все рассказывал, как на пенсию выйдет в сорок лет. Чудак, от-так. Так он говорит: «тут полгорода сидит, полгорода охраняет». Да, подруга?

Степаныч поглядывает на продавщицу озорно, та недовольно морщится.

Мы уже лезем по ступенькам обратно в вагон, Степаныч впереди меня, и тут я упираюсь головой в его потную спину, смотрю на него, а он кратко кивает куда-то вдаль по перрону:

– Вон, смотри, – и залезает внутрь.

Я выглядываю наружу из тамбура. Трое парней в одинаковых широких чёрных штанах, черных рубахах, с сумками и пакетами показывают билеты проводнику у соседнего вагона. Я смотрю на Степаныча, он продолжает улыбаться, но уже не так широко, а как-то растерянно, глаза беспокойно сощурены:

– Откинулись, от-так, – говорит он вполголоса

В купе он молниеносно наполняет стопки:

– Ну, давай, от-так, чтоб до дому добраться поскорей, или куда ты там...

И тут:

– О, вот это мне повезло-на с соседями!

Мы замираем и смотрим на парня, который стоит в дверях купе. На нем широкие черные штаны, черная рубашка, в руках спортивная сумка. Худой, роста невысокого, впалые, чисто выбритые щёки, неопределённый ёрш на голове вместо причёски. Он быстро усаживается на край койки, ссутулившись, как будто хочет занять как можно меньше места, аккуратно задвигает под койку сумку и вытягивает руку прямо между нами, кто быстрее схватит:

– Саня.

– От-так? И я Саня, Александр Степаныч, – кричит Степаныч, возвращает стопку на стол, расплывается и трясет руку новенького, – и это тоже Саня. Три Сани в купе. От-так!

Три Сани? Это я тоже Саня. Я ему сказал, что я Саня.

Я жму руку новенького, киваю и молчу. Рука у Сани костистая и холодная.

– Ты докуда едешь-то, – спрашивает Степаныч.

– Да, всё прямо и прямо, пока не приеду.

– Значит, ещё не скоро.

Степаныч смотрит на меня, молчит выжидающе, как будто ждет, что я скажу, куда еду.

Куда я еду? Мне скоро выходить.

Вдруг Степаныч отводит взгляд и начинает хитро улыбаться:

– Тогда, чтоб не запутаться, ты, – он показывает на меня, – ты будешь Саня, извини, я тебя уже давно знаю, от-так, – показывает на новенького, – будешь Александр, ты тем более

еще трезвый, пока, а я, так и быть, буду Сан Степаныч. От-так.

– Сан Степаныч, Сан Степаныч, – голос новенького скрипучий, высокий, и говорит он, почти не разжимая тонких губ, – может Степаныч-сан, как японец-на.

И он смеётся, вдруг заливисто, беззлобно. Степаныч тоже смеётся, качает головой, как бы говоря «во даёт». Он выуживает из чемодана третью стопку, и мы выпиваем втроем. Новенький не закусывает, только выкатывает глаза и шумно выдыхает.

– Вы что тут мёд везете? Медом несет, – он принюхивается, смотрит на меня вопросительно, – от тебя что ли?

Я пожимаю плечами. Степаныч жуёт сало, отвернувшись к окну. Саня внимательно почти враждебно разглядывает мою улыбающуюся рожу, но через секунду тоже начинает улыбаться.

– Да ладно, медом и мёдом. Мужики, только меня проверять придут, и вам, это-на, – он показывает глазами на бутылку, – нельзя.

– Ничего, договоримся, – машет рукой Степаныч, – от-так...

*– ...И медведи, и кроты,
Зайцы, лошади, коты,
Все пугаются меня,
И бегут, как от огня.*

Я выпиваю еще и лезу на верхнюю полку.

– Э, скапустился твой попутчик-на, Степаныч-сан – Саня язвительно подмигивает Степанычу. Но Степаныч меня защищает:

– Ничего, мы с ним уже давно едем, от-так, он вишь, молодой еще, хоть и не щуплый. Да, Саня?

Молодой. Мы с откинувшимся Саней примерно одного возраста. Сколько ему? Тридцать, вроде, есть.

Из верхней незанавешенной части окна бьет заходящее солнце, мелькает за деревьями. Я подставляю лицо свету и чувствую, как на веках не переставая мельтешит стробоскопом. Лежу с дурацкой улыбкой, с закрытыми глазами, а по векам и щекам носятся солнечные блики. Голова наконец-то дурнеет и вязнет в вате. Подступает долгожданная отключка. Медовый запах от моей одежды и рук скапливается в облачко, окутывает меня, висит над койкой.

Я отворачиваюсь к стене и не вижу своих попутчиков, только слышу одним ухом и представляю.

Саня скрипучим голосом, который от спирта стал еще корявее и тоньше, рассказывает Степанычу, и его слова доносятся из полудремы, из клубов дыма, из кислых неоновых переливов сала и черствеющего на глазах хлеба, складываются в картинки.

Два года, да..., оттарабанил, да, два.

Его лицо с узкими глазами выплывает из-за радужного

марева, а рука показывает рогатку двумя пальцами, буква «V», два года. За что? За дурь. По двести двадцать восьмой. Для себя, ясен пень, для себя, за распространение, совсем другие цифры-на. На моих закрытых веках мельтешит солнце. Саня молчит, и теперь обе его руки показывают по рогатке, в каждой – сигарета. Он подносит обе сигареты ко рту, затягивается и выпускает кончиками рта две струи сладковатого дыма. Струи скручиваются со скрипом и рисуют в воздухе прямо перед его лицом восьмерку. Она колеблется, а Саня улыбается, и показывает две рогатки с дымящимися сигаретами. Две рогатки и восьмерка. Два, два, восемь. Двести двадцать восьмая.

Судя по звукам, они снова выпивают, и Саня продолжает скрипеть. Я теперь другой человек. Совсем-на другой. Нет, не домой, дома никого нет у меня. К женщине еду, ну как, к девушке. Переписывались в тюрьме, так и познакомились по переписке. Через день буду. Деревня какая-то, Ослёнкино, прикинь-на, да, ну, Ослёнкино, как осёл, втыкаешь?

Конечно, втыкаю. Ослёнкино.

Ослик, маленький, серый ослик. Он сидит в белой фарфоровой чашке, в маслénке, и копыта увязают в расплавленном жёлтом сливочном масле. Ослик в маслénке. Я беру его за шкуру двумя пальцами, сажаю на ладонь и указательным пальцем чешу по голове между ушами. Под осликом уже жирная лужа из расплавленного масла. Шерсть тоже жирная и скользкая, но жесткая, я ощущаю каждую упругую волоси-

ну. Шерсть как у той собаки, у шнауцера, который был у надзирателя. Надзиратель жил в деревне, неподалеку от зоны. Вокруг зоны широкое поле, простреливается, а из камеры на третьем этаже видны дома поселка. Почти все, кто работал на зоне, жили в том поселке. Он привозил с собой серого ризеншнауцера. И когда нас выводили во двор на прогулку, я подходил и гладил шнауцера. А у надзирателя, Виктора Семёныча, стреляли сиги. А шнауцера звали Рэтти.

Я приглядываюсь к ослику Он сидит у меня на ладони, вытянув ноги и понуро опустив лоснящуюся от масла голову. Теперь я вижу, что у него четыре уха, два торчат вправо, два влево. Я смотрю еще пристальнее и замечаю, что на кончике каждого уха болтается серёжка, в форме клубники. Я чувствую клубничный запах, хватаю одну зубами, и по языку течет кисловатая сладость. А ослик мотает головой, и серёжки-клубнички звенят, а он поднимает головку и протяжно мычит баритоном:

– И-а, и-а, Ри-та, Ри-та!

Ослёнкино, как «осёл», втыкаешь-на? Ослёнкино, улица Клубничная, четыре. А девушку Рита зовут. Втыкаешь? Вот.

Просыпаюсь ночью. Степаныч спит внизу, на спине, откинув голову и выпятив круглый живот, а Саня наверху, напротив меня, свернувшись лицом к стене. Я бесшумно спускаю ноги на холодный пол, вытягиваю со стола пачку Кента с зажигалкой.

В тамбуре я глохну от стука и курю. Я держу ослика на ладони перед окном, и мы всматриваемся в огоньки редких домов и черную стену деревьев, как зазубрины огромной пилы на фоне молочно-чёрного неба. Нам слышится лай сторожевых собак и подвизгивание шнауцера Рэтти. Когда надзиратель привозил его с собой на смену, тот всегда разговаривал с тюремными собаками, вставлял свои пять копеек. Каждую неделю, два года и каждую неделю.

Я навсегда запомнил этот лай.

Возвращаясь в купе, я прохожу чуть дальше, до расписания станций. Ослик начинает ерзать на ладони и тыкать в расписание. Да, вижу я, вижу. Вот Ослёнкино. Сутки еще, под утро прибывает, в пять часов. Ослик вытаскивает откуда-то из-под себя мою школьную тетрадь и красную ручку, и я выписываю в тетради под какими-то своими каракулями жирную пятерку. Бумага влажная, как будто ранец промок под дождём по дороге в школу, а у пасты в ручке химический запах, чтобы лучше запомнить. Пятерка. В пять утра.

...все пугаются меня

И бегут, как от огня.

Я сплю остаток ночи и почти весь день, просыпаюсь опять на закате. Степаныч с Саней вполголоса разговаривают внизу, голоса трезвые. Степаныч сердится:

– Как это не поедешь? Обещал же. Это же не по-мужски,

от-так.

– Ты, Степаныч-сан, за базаром следи-на. Я тебе по-человечески объясняю, может, как никому бы не сказал, а ты меня гадом называешь.

– Ждет же тебя, – Степаныч смягчается, говорит вкрадчиво, как будто уговаривает.

– Да, не ждет, я же не писал, что досрочно выхожу. Хотел сюрприз, удивить. На...

Они молчат, потом Саня говорит отрешенно, как будто сам себе:

– Сдохну я в этой деревне, тоска там. Бухать начну или убью кого-нибудь. Боюсь я этого, себя боюсь.

Степаныч кряхтит, и я представляю, как он сокрушённо качает головой, а Саня продолжает, и его скрипучий голос становится неожиданно мечтательным:

– Поеду до конца, на восток, там океан, поеду до океана, никогда не видел.

– Ну, не знаю. Не понимаю, тебя же вроде выпустили, от-так, а ты как будто убегаешь.

– Да, убегаю-на, от себя убегаю, знаешь такое, Степаныч-сан, втыкаешь?

Степаныч молчит, потом говорит тихо, беспокойно себе под нос:

– Не понимаю. У меня дом, картошку надо копать. Жена, сосед с самогонкой. Сын приедет, веранду дострою. Два месяца отсижу, и снова на север. От-так. И тебе надо, успоко-

иться, понимаешь? Там город, пойми ты, всё то же, наркота, опять сломаешься. Тебе в деревню надо, от-так, само то.

– Нет, – Саня уже не злится на Степаныча, в голосе уверенность и лихость какая-то, – это я зарёкся-на. Уверен, не поведусь. Океан, понимаешь. Добегу до океана, а там – всё по-другому. Слушай, Степаныч-сан, хороший человек, помоги мне билет купить, до конца. Я тебе вышлю.

– Я не могу, – бубнит Степаныч, – деньги дома на карточке, от-так, – он молчит, потом говорит, неуверенно, – вон, соседа попроси, может у него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.